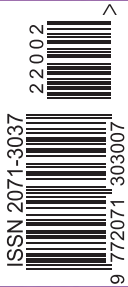

русский
Пионер

16+

рождение

№2(108) апрель-май 2022

литературный иллюстрированный журнал

Клятва главного редактора стр. 8

первая четверть

*Урок правды. 30 октября. **Дмитрий Быков** про то, как рождались его дети
стр. 16*

*Урок уроков. В комнате с белым
ПОТОЛКОМ. **Дарья Белоусова**
про рождение сути стр. 22*

*Урок истории. Три сестрицы
и три сестры. **Иосиф Райхельгауз**
о том, на чем мир стоит, на чем жизнь
зиждется стр. 26*

*Урок этики. Кугельбан.
Александр Добровинский
про горячее красное вино с корицей в Городе
света стр. 30*

*Урок труда. Папа, Юнона
и Авошь. **Александра Захарова**
о том, что без согласия в жизни смысла нет
стр. 36*

*Урок музыки. МЫ это умеем.
Алексей Кортнев про случайное счастье
стр. 40*

Урок кино. Что вынашивают
МУЖЧИНЫ. **Лидия Маслова** про роженцев,
пораженцев и перерожденцев *стр. 44*

Урок анатомии. На кой тут быть.
Андрей Романов с ковидными мемуарами
стр. 48

Прогул уроков. Василиск. **Виктор**
Ерофеев о превращении в Единорога *стр. 52*

вторая четверть

Пионер-герой. Дорождение.
Корреспондент «РП» присутствует при сотворении
человека *стр. 58*

Следопыт. Вавилов. Возрождение.
Обозреватель «РП» спасает человечество от голода
стр. 74

третья четверть

Диктант. Явка с пуповиной. В тему
номера *стр. 88*

Урок географии. Малометражная
Америка. **Иван Соколовский** учится
за океаном *стр. 90*

Сочинение. Четыре стихии. Рассказ
Майка Гелприна *стр. 98*

четвертая четверть

Урок мужества. Как мы все прозябали. Обозреватель «РП» про разницу между дзюдо и самбо *стр. 114*

пятая четверть

Пробел. Новая четверть для новой литературы. Авторы: **Максим Палкин, Сергей Скуратовский, Алексей Прицкер, Влада Баронец, Алексей Цветков, Венера Аветисян, Андрей Чайкин** *стр. 122*

группа продленного дня

Правофланговая. Все начнется ПОТОМ. **Ольга Ускова** про то, что мы все родились заново *стр. 146*

Пионервожатый. Наше время еще не вышло. **Кирсан Илюмжинов** с приветствием новому миру *стр. 148*

Звеньевой. Да, мама, да. **Максим Кучеренко** о том, что кто напивается, тот знает *стр. 150*

Звеньевая. Как родиться.

Алина Пинская про то, что творцами не становятся *стр. 152*

Подшефная. Как я стал

королевой. **Сергей Трофимов**

(Фригида) о том, что скажет маме, когда соберется с духом *стр. 154*

Центровой. Явился я. Альберт

Ибрагимов про род пародии *стр. 160*

Отличник. Мент родился. Сергей

Петров о том, что автор автору рознь *стр. 162*

Запевала. Брачный контраст.

Елена Филина про самый первый загс *стр. 164*

Отличница. Кольца на детской пирамидке. Лена Фейгин

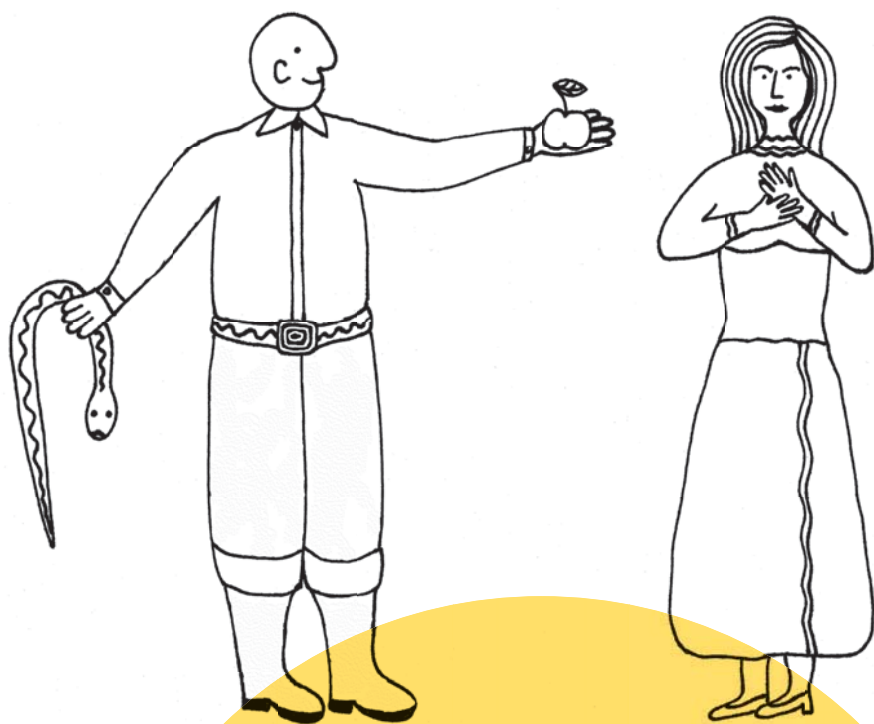
про стартовую точку *стр. 166*

Всегда готово. Сотворение

шакшуки. Кулинарный отчет обозревателя «РП» *стр. 168*

Урок правды шеф-редактора.

Подведение итогов *стр. 175*

Всегда готов!

Первая четверть.

Урок правды. 30 октября. **Дмитрий Быков** про то, как рождались его дети. *Урок уроков.* В комнате с белым потолком. **Дарья Белоусова** про рождение сути. *Урок истории.* Три сестрицы и три сестры. **Иосиф Райхельгауз** о том, на чем мир стоит, на чем жизнь зиждется. *Урок этики.* Кугельбан.

Александр Добровинский про горячее красное вино с корицей в Городе света. *Урок труда.* Папа, Юнона и Авось. **Александра Захарова** о том, что без согласия в жизни смысла нет. *Урок музыки.*

Мы это умеем. **Алексей Кортнев** про случайное счастье. *Урок кино.* Что вынашивают мужчины. **Лидия Маслова** про роженцев, пораженцев и перерожденцев. *Урок анатомии.* На кой тут БЫТЬ. **Андрей Романов** с ковидными мемуарами. *Прогул уроков.*

Василиск. **Виктор Ерофеев** о превращении в Единорога.

30 октября

текст: дмитрий быков рисунок: наташа монастырская

Каждый, у которого, было дело, рождался ребенок, помнит этот день. Детали могут подзабыться. Но день-то помнится. **Дмитрий Быков** помнит еще и все детали. У него же феноменальная память, если кто не знает. А книжку любой толщины он прочитает все равно за день. И вот написал про рождение. И сжимается сердце до размеров младенческого. И читается колонка.

— **ОТЦОМ,** — сказала Пак, — вы станете сегодня.

Почему-то она сказала это именно мне, хотя логичнее, казалось бы, обратиться к Катьке — мол, сегодня вы станете матерью. Тем более отцом я несколько раз уже становился, а она матерью — еще никогда. Но Катьку она как раз осматривала, а осматриваемому пациенту болтать не положено.

Полчаса назад мы стояли в пробке, едучи на плановый осмотр, а рожать предполагали в конце ноября, то есть дотянуть до Стрельца. Кто жил со Скорпионом, тот знает прелести этого знака — эротически, конечно, весьма привлекательного, но хронически недозвольного собой и человечеством, непостоянного в любви и вечно не знающего, чего он хочет. Я небольшой фанат астрологии, но куда девать некоторые эмпирические наблюдения? В магию имен по Флоренскому я тоже мало верю, но у меня слишком увесистые доказательства того, что Дмитрий тяжел плотски, легок на подъем и страдает в детстве от частых простуд, после чего уже никогда ничем не болеет.

— А завтра никак нельзя? — спросили мы хором. Через два часа у нас была лекция в Свободном университете, где подобрался исключительно талантливый курс, а вечером эфир любимой программы «Колба времени» на канале «Ностальгия». Это вообще лучший канал на свете, размещающийся в огромном здании «Гинцветмета», который строился на закате застоя, а ныне часть помещений сдает в аренду. Там теперь много всего, помимо института. Всякий визит в это здание до сих пор погружает меня в благословенную атмосферу ранних восьмидесятых, в воспоминания отрочества, когда пробуждались загадочные желания и уже повевало в щели невысказанными переживаниями. Пятница вообще лучший день недели — и не потому,

что завтра выходные, а потому, что с утра школа, днем Свободный университет, а вечером «Колба».

— Завтра никак, — сказала Пак. Вопрос наш ее не удивил, ее вообще удивить трудно. В свои нестарые еще годы она приняла такое количество родов, что имела все основания чувствовать себя на прямой связи с Господом. Мы рожали в ЕМС, то есть в Европейском медицинском центре, — упоминаю его не ради рекламы, в которой он не нуждается, а исключительно из глубокой благодарности. Фамилию знаменитой кореянки меняю, чтобы не перерекламить. К ней и так очередь, и у нее предполагались в это время вполне плановые роды, а тут вклинились мы, потому что воды отошли непосредственно во время осмотра. Теперь все надо было делать очень быстро.

— Родить нельзя погодить, — сказал мне наш постоянный врач Леонидыч, отправляя срочно сдавать ПЦР.

Позвонить я успел только Свете Большаковой, главреду «Прямой речи», где собирается мой курс Свободного университета (и собирается, кстати, до сих пор — только тогда я читал «Эволюцию фабулы», а теперь «Приемы триллера»):

— Света! У нас тут всякие обстоятельства, только никому. Скажите ребятам, что я в срочной командировке.

— Быть не может! — ахнула Света.

— Да погодите, мы сами еще ничего не поняли.

Ну и на «Колбу» я позвонил, дескать, «вы мне тут замените, шаг вперед и две назад». Там ничего не поняли, но срочно вызвали замену. Тема была — актерские династии в СССР, не тема, а подарок, но тут наклеивался презент поувесистее.

Рожать в разгар пандемии — это в нашем духе, экстремум так экстремум. Моей матери мы вообще не могли сказать о беременности, собирались трижды и переводили разговор. Она и так была не в восторге от наших журналистских разъездов, продолжавшихся до лета, да и много еще от чего. Короче, мы не решались ей ничего сказать, да и никто не знал, кроме нескольких моих выпускников, с которыми я, так получилось, традиционно откровенен. Они в очередной раз собрались у нас в «Прямой речи», и я объяснил, что предполагается мальчик.

— Львович, я прямо так рад! — сказал любимый выпускник Никита, трудящийся ныне в питерском отделении большой госкорпорации.

— Ты-то с какого перепугу рад? — спросил я подозрительно, и все гнусно заржали.

Сказать матери вызвался Веллер — точнее, был об этом униженно попрошен; опять-таки исторически сложилось так, что я его использовал в качестве переговорщика в самых скользких ситуациях. Он придумал все мгновенно: смотри, она позвонит меня поздравить с днем рождения (с матерью он дружил, кажется, даже крепче, чем со мной, в силу поколенческой близости). А я скажу: нет, Наталья Иосифовна! Это я вас должен поздравлять! Она спросит: да с чем же? Алле-ап! Немая сцена, слезы, объятия.

Все так и вышло, за исключением слез и объятий, но обошлось по крайней мере без громов и проклятий. Как-то он ее уболтал в своей

манере. Катькиным родителям мы ничего не говорили вплоть до августа, когда живот был уже нескрываем, — эти переговоры взял на себя я.

— Вообще черт-те что творится в мире, — сказал я им во время очередного зума, — в Бразилии наводнение, в Австралии страшный рост заболеваемости, в Кентукки торнадо, Катька беременна...

Эта информация в самом деле как-то потерялась среди мировых катастроф и дошла не сразу. В конце концов они приняли все стоически, люди бывалые, несколько постарше даже меня. Им и так непросто было смириться с тем, что растили принцессу, олимпиадницу, отличницу, разрядницу, гордость Воронежа и президентскую стипендиатку, а вырастили жену журналиста, слава Богу, хоть оппозиционера, а не какой-нибудь твари из телевизора. Когда мой тесть Теймураз случайно оказывается возле включенного телевизора (не у нас, конечно, у нас его нет), от рокошующих грузинских ругательств

Рассматривался вариант рожать в Чили — там есть такой тур, роды с видом на океан, огромная палата с вот таким окном, можно приглашать всю родню, а у кого нет родни в Чили — можно просто друзей, и ребенок как бы падает вот прямо в океан.

содрогаются стены. Но как-то они пережили эту новость, решили даже, что мама приедет к середине ноября, взяв отпуск на работе, и поможет в первое время. Как положено будущим родителям, мы предавались мечтаниям. Рассматривался вариант рожать в Чили — там есть такой тур, роды с видом на океан, огромная палата с вот таким окном, можно приглашать всю родню, а у кого нет родни в Чили — можно просто друзей, и ребенок как бы падает вот прямо в океан; ему тут же дается чилийское гражданство, позволяющее въезжать в Америку по облегченной процедуре... Прикинь — родить в океан! Это были вполне бюджетные роды, и какое-то время мы мечтали о Чили на полном серьезе, но узнали, что там пандемия свирепствует с особенной яростью. Хорошо, можно в Штатах, там вообще сразу гражданство! Прикинь, он будет свысока нам махать при въезде: родители, ну я пошел! И он с американским паспортом — без очереди, а мы с туристической визой, как лохи... Тем более в Штатах жила наша любимая подруга Жанна Магарам, по первому рижскому образованию врач, как-нибудь она примет роды у себя на дому, я буду ассистировать! Этот вариант рассматривался уже серьезнее, но в сентябре мы записались на всякий случай в Европейский медцентр, тогда это стоило скромней, чем теперь, потому что и евро было другое. Деньги, впрочем, появились с неожиданной стороны, о чем ниже, — но кто же не знает: даст Бог зайку — даст и лужайку!

Нам сразу рекомендовали кесарево, потому что ребенок предполагался крупный, дико брыкался и вертелся — вообще, по всему глядя,

ему не терпелось появиться: надо спасать мир! Темперамент вождя читался во всем, был написан даже на морде, отлично видной на УЗИ: лысый, как Ленин, лобастый, как Ленин! С именем Катька определилась почти сразу, я тут ни при чем, поскольку всегда следую правилу Цветаевой: «Право матери, явившей в мир, являть и в имени» («Наталья Гончарова»). Почему Шервуд? Ну, потому, что любимый писатель Шервуд Андерсон, странный, взявшийся ниоткуда, объединяющий во всем мире таких же странных людей: того же Веллера, любимую Катькину преподавательницу на филфаке Ольгу Панову (ныне американиста, а в недавнем прошлом, вообразите, пресс-секретаря группы «Калинов мост»), вашего покорного слугу... Цитирую эссе Веллера «Версия дебюта»: «Шервуд Андерсон исправно и не резко шел сначала по страхово-вой части, а потом по рекламной. В сорок один год он был владельцем небольшой, но вполне устойчивой и респектабельной рекламной конторы.

Мой первый сын родился в день смерти моего любимого поэта и литературного учителя Нонны Слепаковой, а второй сын — в день ее рождения. Помнит про меня Слепакова, не забывает.

В одно прекрасное утро (27 ноября 1912. — Д.Б.) он пришел на работу, прошел в свой кабинет, кинул шляпу на крючок, сел за стол, закурил сигару и перелистал поданную секретаршей корреспонденцию. Потом положил бумаги на стол и долго смотрел перед собой. Потом пожал плечами. Потом положил в пепельницу дымящийся окурочок, встал, снял шляпу с крючка, надел на голову, открыл дверь и вышел вон, не закрыв за собой двери.

Больше он в контору не вернулся. Вообще. Никогда. Продав. По телефону.

Через три года он выпустил сборник рассказов «Уайнсбург, Огайо», сделавший его классиком американской литературы. Потом он помог встать на ноги Хемингуэю и Фолкнеру, в благодарность за что оба его, естественно, обгадили, но это все и многое другое было уже потом».

Тут не упомянута важная деталь: секретарша спросила его, куда он собрался. Андерсон ответил: «Я долго ходил по дну реки, промок и замерз, попробую ходить по суше».

Эта версия, конечно, приукрашена. У Андерсона был обычный нервный срыв, три дня, покинув контору, он околичивался Бог вест где, видимо, «в полях под снегом и дождем», потом вошел в аптеку на окраине Кливленда и оттуда был доставлен в психбольницу, откуда вскоре выписался слабым, но счастливым. Адрес аптеки сохранился: угол 152 East street и Aspinwall avenue. Был я на этом углу, аптеки нет, но место такое, роковое, и теперь чувствуется. Как раз Магарам меня и возила туда, и мы славно выпили шампанского за Андерсона в ближайшем кабаке. Вообще, я бы хотел, чтобы наш Шервуд был

способен на такие поступки, как этот уход из конторы. Впрочем, если он ограничится написанием любого рассказа на уровне «Уайнсбург, Огайо», мы будем вполне довольны.

— Как вы собираетесь назвать ребенка? — поинтересовался у нас Владимир Григорьев, заместитель руководителя Роспечати, во время очередных Пионерских чтений на Красной площади.

— Шервуд, — сказала Катька. — Как думаете, его не будут обижать в школе?

— Нет, — уверенно сказал Григорьев. — Конечно, нет.

И добавил:

— Хрен дадут ему дойти до школы.

Меня переодели в синюю медбратскую форму («Пингвин», — сказала Катька), после чего пришел анестезиолог и подробно объяснил, что он собирается делать. Он сказал, что после эпидуралки Катька перестанет чувствовать собственные ноги и ничего страшного в этом нет. Ее погрузили на каталку, меня провели следом, она как-то сразу оказалась на операционном столе, и анестезиолог спросил, горячим тампоном он по ней проводит или холодным.

— Я ничего не чувствовала, — поясняла потом Катька, — но рассудила, что горячему взяться неоткуда, и сказала — холодный. Тут они меня и отрубили.

Здесь наши воспоминания несколько расходятся, потому что она продолжала что-то отвечать, но, видимо, в бессознательном состоянии. Как гласит пословица, есть два способа заставить женщину замолчать, но оба они науке неизвестны. Я старался не смотреть в ту сторону, но вообще-то кесарево сечение — довольно быстрая процедура. Мы не зря так любим сумчатое животное вомбат и отчасти отождествляем себя с ним: младенца вынимают, как из сумки. Выражение лица у него было недовольное, как будто он не успел собрать вещи: «А-а-а-а! Мои записи! Мои конспекты!» Было чувство, что они там готовятся к спасению мира, переговариваются по спецсвязи, пишут планы, но всякий раз приходится собираться в такой спешке, что мир опять оказывается не спасен. Меня позвали перерезать пуповину и вручили ребенка. Орал он густым громким басом.

В такие минуты, сами понимаете, запоминаешь все, но потом не можешь пересказать ничего. Роженица отличается значительно большим самообладанием. Помню, когда Ирка Лукьянова рожала Андрея, как раз отмечался юбилей — 25 лет первого показа «Семнадцати мгновений весны». Ой, слушайте, тоже было круто. Рожали мы как раз 11 августа 1998 года, и главный редактор «Собеседника» Юра Пилипенко попросил Ирку поставить эксперимент для газеты: может ли русская пианистка рожать не по-русски, то есть не выдать себя? Лукьянова по первой профессии переводчица с английского, причем классная, ну и согласилась. Начинаются схватки, садимся мы в нашу тогдашнюю «Таврию», приезжаем в двадцать пятый роддом, что на Ленинском, — а нам говорят: извините, вам рано. Это вы перестраховались. Куда деваться? А там напротив жил тогда наш великий друг Андрей Шемякин, американист и киновед. Мы думаем: а пошли к Шемякину, сто лет у него не были! А у Шемякина была тогда видеотека от пола до потолка. Мы приходим, говорим: Андрей, поставь нам чего-нибудь жутко смешное, ну, чисто отвлекусь! Иес,

говорит Шемякин и ставит «Бананас» Вуди Аллена, самую idiotскую и смешную из его картин. И в сцене первой брачной ночи — жених в синем углу ринга, невеста в красном — Лукьянова хохотала так, что, отсмеявшись, сказала: а теперь ОЧЕНЬ БЫСТРО бежим в роддом — и через час родила.

Что интересно, рожала она на чистом английском, виртуозно ругаясь и подробно сообщая мне все о своем состоянии, — и только когда младенца положили к ней, по-русски сказала: «Ну, здравствуй!» Но это уже не считалось провалом, это уже было как бы за пределом эксперимента. «Собеседник» напечатал репортаж, который она мне продиктовала вечером того же дня, и выписал ей премию в виде двадцати упаковок памперсов. Вхожу я на редколлегия — а в меня со всех сторон полетели эти пакки, большой был праздник.

Мой первый сын родился в день смерти моего любимого поэта и литературного учителя Нонны Слепаковой, а второй сын — в день ее рождения. Помнит про меня Слепакова, не забывает.

Когда Катьку, все еще не чуявшую ног, перевезли в послеродовую и усадили меня рядом, мы стали думать, кому бы сообщить. Первым делом я решил позвонить матери.

— Здорово, мать, — сказал я. — Мы тут родили.

— погоди, у меня урок, я перезвоню, — сказала мать, и тут я вспомнил, что по пятницам в пять у нее репетиторство. Первым делом самолеты, а как же. Может, она просто не расслышала.

— У Муратова сегодня день рождения, — вспомнила Катька.

Я не помнил его день рождения, хотя несколько раз сочинял поздра-

вительные стишки, а Катька помнила: пока я лежал в коме по известной причине, Муратов организовывал самолет в Москву и сам за мной прилетал, и они с Катькой по прилете выпили бутылку коньяка. Поскольку я ему в некоторой степени обязан жизнью, мы оба перед ним благоговеем. (Строго говоря, жизнью я обязан Катьке, без которой вообще давно бы содох, но то, что она быстро позвонила ему, было очень, очень правильным решением. Не менее правильным решением было то, что она знала код моего телефона, мы вообще друг про друга все знаем, это очень эротично — не иметь тайн друг от друга.) «Дорогой Муратов! — написал я ему. — У тебя, говорят, сегодня день рождения».

«Говорят», — скромно ответил Муратов.

«Ну вот, — написал я. — Не только у тебя».

Некоторое время до него доходило, после чего он перезвонил, потребовал Катьку и долго оглушительно ее поздравлял.

Мой старший сын Андрей, артист по образованию, подробно меня инструктирует, как и именно вызывать воспоминания, которые сейчас эмоционально нужны.

Потом мы написали Магарам в Кливленд.

«Здорово, Магарам! Что ты делаешь?»

«Жду результатов обследования».

«А кое-кто уже дождался», — написал я.

И тоже она сначала ничего не поняла, но потом обрушила на Катьку десяток стикеров с салютами.

Потом мы позвонили в прямой эфир на «Колбу» и назвали актерскую династию Ефремовых. Там все уже знали и всячески нас поздравляли. А потом перезвонила мать.

— Ну как вы? Ты чего-то говорил, но тут были дети, и я не слышала.

— Родили мы! — сказал я.

— Ка-а-а-ак? До срока?

— Ну, — объяснил я, — мы несколько просчитались. Оказалось, что в самый срок. Пятьдесят один сантиметр, три сто, волосы черные.

Тут его и привезли кормить.

Тогда же я позвонил дочери моей Женьке, то есть лукьяновской дочери от первого брака, которая досталась мне трехлетней и выросла, как ни странно, очень похожей на меня, только гораздо более спокойной. Не зря она по образованию клинический психолог.

Женька с раннего детства обнаружила одну фандоринскую способность: она никогда не проигрывает в лотерею. Поскольку денег на няню у нас не было, ее в последний год перед школой таскали с собой на работу в «Собеседник» и говорили ей так: Женя, пойдешь в сберкассу, купишь три билета лотереи «Святая Русь», выиграешь не больше ста рублей, купишь себе колу, чипсы и чупа-чупс. Сберкасса была

в соседнем подъезде, ларек с колой и чипсами — прямо под окнами. Не было случая, чтобы она не выиграла. Она утверждала, что на выигрышных билетах церковь нарисована не так, как на обычных.

Я много раз убеждался в этих ее феноменальных способностях — находить в комнате спрятанный предмет, вытаскивать счастливый билет, вызывать у начальства неконтролируемую симпатию...

Однажды завезли к нам в ту же сберкассу новую лотерею, дали мне два билета (их всего и было два), я думаю: левый брат или правый? Позвонил Женьке.

— Быков, — сказала она сердито, — я сейчас на экзамен захожу и вообще отрублю связь!

— Ну просто скажи: левый или правый?

— Правый! — рявкнула она, и что вы думаете — пятьсот рублей!

А тут как раз, если вы помните, выборы в Америке. И журналистский тотализатор — я хоть и не склонен к азартным играм, но такие развлечения люблю. Очень уж мне не нравился Трамп. А на него все ставили почти поголовно. Я не стал спрашивать Женьку, Байден или Трамп, чтобы ее личные политические симпатии не омрачали картинку. Просто спросил: первое или второе, решив, что Трамп — первое.

— Второе, — решительно сказала Женька.

— Уверена?

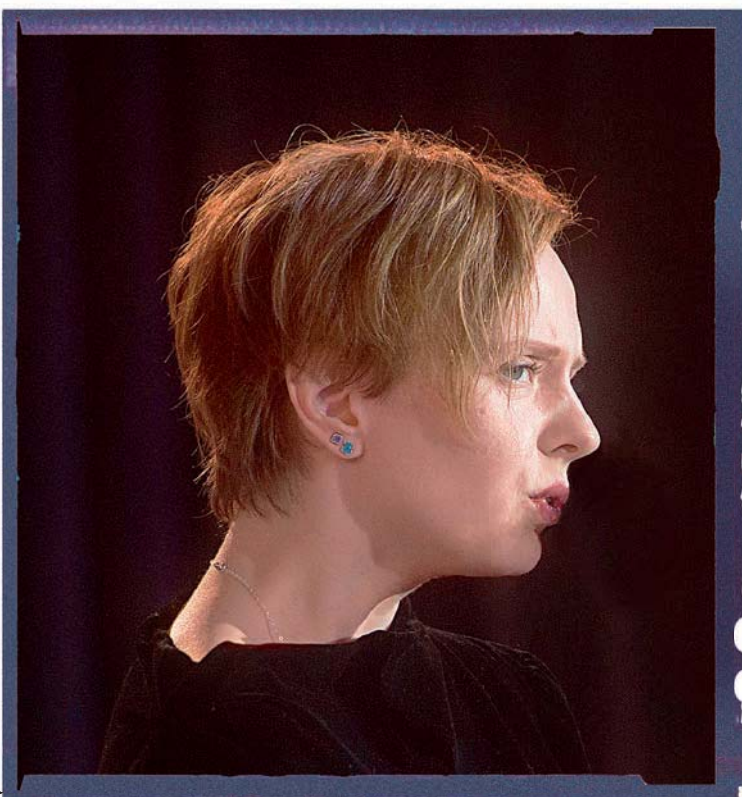
— Вижу абсолютно четко. Иногда, бывает, сомневаюсь, но тут — даже не переспрашивай.

И я поставил на Байдена, который в первые сутки считался проигравшим. В результате мы почти полностью окупили роды, а авторитет дочери в моих глазах вырос до Кассандры. Если вы вдруг с ней знакомы, просьба не обращаться. Наша курица несет золотые яйца только для ближайших родственников.

В последнее время меня буквально душат воспоминания, но я внутренне к этому готов. Маргарита Арсеньева, тогда Тузова, хороший писатель и переводчик, преподавала у нас на журфаке специальности, и говорили мы на этих занятиях не только о специальности, а вообще о чем угодно — журфак при Засурском был довольно свободным местом, оазисом среди советского образования, несмотря на принадлежность к идеологическим факультетам. И вот обсуждали мы, помню, «Зеркало», копия которого имела в телестудии (там я его впервые и посмотрел в 1985 году), — и Маргарита наша Зиновьевна говорит: вы пока не можете этого понять. После сорока поймете. (Тарковскому было как раз сорок, когда снимал.) Просто воспоминания наваливаются именно так — бессистемно, — и вы задыхаетесь, пока не выговоритесь.

Действительно наваливаются, и их действительно очень много. По большей части они омерзительны. В таких случаях, как известно, надо звать патронуса: мой старший сын Андрей, артист по образованию, подробно меня инструктирует, как именно вызывать воспоминания, которые сейчас эмоционально нужны. Им же, артистам, надо то плакать, то хохотать по заказу, ну и есть несколько приемов стремительного погружения в требуемое состояние. Делиться этими приемами я не буду, должно же у нас с сыном быть что-то общее.

Но вот когда мне надо вспомнить счастье, — которого я на самом деле помню немного, — я вспоминаю это.

В комнате с белым потолком

текст: дарья белоусова рисунок: вивиан дель рио

Актриса **Дарья Белоусова** в это трудное время пришла к выводу, что по-настоящему заново родилась, когда полюбила. Хотя, как у каждого из нас, перерождений было много, но любовь, конечно, важнее. А еще наш постоянный автор искренне желает всем гармонии — это самое главное сейчас. Любви и гармонии.

Я открываю глаза. Я вижу белый потолок в своей спальне. На нем есть следы липкой ленты — раньше тут была наклеена карта звездного неба или что-то вроде того. Девять утра. Солнце заливает комнату и мою кровать. Сплю неровно последнее время — стараюсь ложиться не позже двух, а встаю все равно в девять. Голубое небо, много московского солнца — преддверие долгожданной весны.

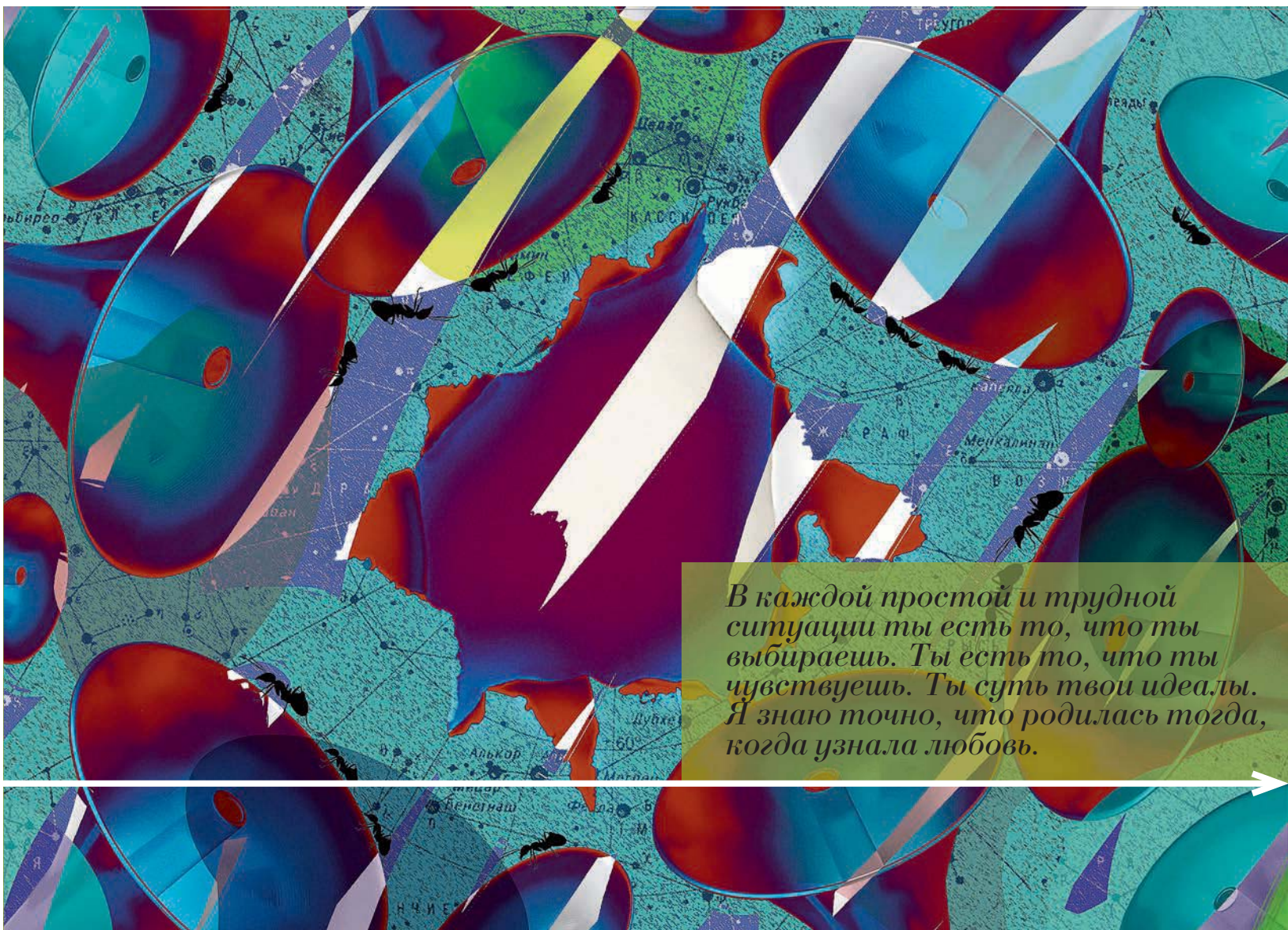
Когда все случилось, я, никогда не увлекавшаяся историей, получила голову-квадрат вместо своей разумной головы на трое суток. За эти трое суток я не сделала ни одного полезного дела, никому не помогла, только выполняла бытовые потребности — есть, лежать, читать, потом пытаться спать. Мой организм сразу отсек все возможные переговоры и дискуссии, которыми наполнились различные виды чатов — от художественных до новостных. Потому что все как с цепи сорвались. Это было похоже на массовое помешательство. Тебе постоянно орали в экран какие-то люди, половину из которых ты не особо и знаешь. Проклинали, прощали, каялись, призывали и воскрешались в долю секунду похлеще, чем в предполагаемом Судном дне. Мне приходилось в жизни испытывать немало стрессов от людской агрессии, и теперь я уже поняла, что мне нужно просто дышать: вдох-выдох-вдох-выдох — и погружаться в тишину — услышать себя. Только тогда я смогу себя сохранить и не потеряться в общем вое и гуле. Я никогда не любила стадо. Никогда не бежала за мнением и диалогами до тех пор, пока не встану сама.

Бесчисленное количество звонков моих друзей, которые составляют цвет русского ума, людей совершенно разных позиций и взглядов, но все же моих друзей, — я говорила с каждым, и... единственным моим ответом была гармонизация. Будто уже давно я поняла, что гармонизация — это и есть главный диалог. Этому меня учила большая литература, этому меня учила и сама жизнь.

«Издавна долго течет река Волга». Я всегда рыдаю на этой песне. Надо мной все ржут, а я всегда рыдаю. Что-то глубинное поднимается во мне, что-то генетическое и самое важное. Я поставила ее себе на пятый день происходящего. А потом, сразу следом, — «Идут белые снеги» Евтушенко. «Если будет Россия — значит, буду и я». Эти строки всю жизнь меня сопровождают. Моя генетическая память... Наверное, она играет со мной всю жизнь. Я потомок старинного русского дворянского рода. Я плоть от плоти русский человек.

— Я привезу тебя в Канаду с завязанными глазами, и ты не отличишь пейзаж, не отличишь, что это не Россия, — говорил мне давно мой друг.

— Я не была в Канаде... Может, не отличу, но почувствую. Точно почувствую. Волга, понимаешь... Ты выходишь к Волге, и больше можно

В каждой простой и трудной ситуации ты есть то, что ты выбираешь. Ты есть то, что ты чувствуешь. Ты суть твои идеалы. Я знаю точно, что родилась тогда, когда узнала любовь.

ни о чем не говорить. Она обнимает тебя всеми историческими слоями, корнями обнимает тебя.

— Ты идиотка.

— Очень может быть. Но я не могу ничего с этим поделать. Это в тебе либо есть, либо нет. Как код. Как любовь. Я люблю русского человека и русский пейзаж.

На четвертый день я пошла делать маникюр. Ну а что... Ногти отросли до невозможных размеров. Выхожу на Бронную, сзади слышу оклик:

— Даш!

— Привет.

Стоит мой товарищ. Я ему улыбаюсь, и вот мы идем с ним уже вдвоем. Молчим. Молчим, потому что я с юности знаю его оголтелость, завязанную, в общем, на очень простых вещах — постоянной потребности быть причастным к какому бы то ни было сообществу и топить за него что есть мочи: сегодня это футбол, завтра это православие, послезавтра католицизм, ну и так далее по кругу. Это похоже на потребность человека, не испытывающего в жизни полноценных эмоций, интересных приключений, жизнь которого не вполне наполнена красками, — на потребность такого человека приложить куда-то свою нерастратченную энергию, свой потенциал и только в этом случае ощутить свою состоятельность, значимость на этой земле.

— Как дела? — спрашиваю.

— Ты смеешься? — Он агрессивно отстраняется от меня. А ведь я ничего не сделала. Я просто иду по Бронной. Я просто улыбаюсь весеннему солнцу. А он переходит на другую сторону улицы. На пару минут меня охватывает негодование. Я эмпат и, вероятно, как всегда, попала в эту чертову ловушку. Опять забрала чужую энергию. «Нельзя. Нельзя. Нельзя», — повторяю я про себя. Запускаю трек «Дорогою добра». Детская такая песня. Наивная. Но я часто ее слушаю и представляю почему-то, как буду сниматься в великом трагическом фильме у великого режиссера и в финале, когда моя героиня по сюжету все и вся потеряет, но будет идти на крупном плане и улыбаться, как Джульетта Мазина в «Дороге», и вот как раз перед титрами начнется этот трек. Ну... такая детская фантазия. Я с детства не научилась играть в эту игру: я в главной роли великого кино или спектакля, зритель рыдает, а на титрах (или поклонах) определенный трек. Каждый раз разный — в зависимости от настроения, но обязательно контрастный. Захожу в Инсту. Ну, через VPN, понятное дело. Хотя, в принципе, можно и без этого обойтись. Это так, привычка клацать пальцами. Я, если честно, даже радовалась, когда ее, эту Инсту, отключили. Подумала о том, что очень круто это и все наконец начнут читать книги. А не начинают. Пока что. Так вот, захожу в Инсту и тут же опять вли-

паю в какие-то агрессивные или рыдающие посты, а про себя думаю: какая невероятная пошлость все это. Ну прям дурновкусие какое-то. Ну правда. Куда подевалась способность к диалогу и интересному разговору? А, у нас же Судный день. Ну ок. Выхожу и удаляю VPN. Умер Максим, ну и х... с ним, как говорится.

Как необычайно точно и точно выход из зоны комфорта и страх выйти из этой зоны обнажают человеческую природу. Я, конечно, всегда это знала. Но, Господи, каким выпуклым и почти пародийным это становится. Тотальное сумасшествие на все лады. Будто в каждом герое в самый короткий срок высвечиваются его главные качества. В добром — доброе. В милосердном — милосердное. В агрессивном — агрессивное. В слабом — слабое. На животном уровне. Неужели для того, чтобы понять, кто мы, нам всегда нужно выбивающее обстоятельство. Неизвестность.

— Я очень люблю русский народ.

Я думаю, что те люди, которые плывут по течению, пытаются угадать, где и как им выгоднее, не рождаются никогда. И трусы тоже никогда не рождаются.

— Да, — говорит мне батюшка.

— Как по-вашему, какая отличительная черта русского народа?

— Ну вот... Думаю, что Запад не может понять и никогда не поймет наш культурный код, а состоит он в том, что нам чем хуже, тем лучше. У меня впервые за эти дни проявляются слезы. И я не понимаю, от чего — оттого ли, что это правда, а может, от осознания этой правды. Ведь европейцу одно лишь отключение Нетфликса — это ужас, крах, смерть. А нам... да все равно, по большому счету. Это ли важно? Пришло время, когда каждый проявляет свои главные черты, сбрасывает маски.

Рождается, проявляется человеческая суть. Неужели... неужели, — повторяю я внутри себя вопрос, — для рождения ее, этой сути, человечеству необходима острота внешней среды?

На шестой день я сказала подруге: а вот сейчас в меня более всего попадает еще одна, вновь открывшаяся сегодня мысль. И знаешь, в чем она? В разнице поколений.

В ситуации выхода из зоны комфорта, когда кругом крики, информационный поток, бесконечные вбросы, тебе, как девочке, в первую очередь очень хочется нормального умного диалога. И вот что оказалось: все мои взрослые друзья (а их у меня большинство) — они все в той или иной степени спокойно могут с тобой говорить, думать, успокаивать, обнимать. Я даже как женщина чувствую себя гораздо спокойнее и увереннее. А вот наше поколение — те, кто родился в 80–90-х, — сплошная истерика. Бесконечная рефлексия по поводу и без. Кричалка из «Гарри Поттера». И это, знаешь, прям чертовски несексуально.

— Да. Я вдруг задумалась... Ты права, именно несексуально.

На следующий день я обратила внимание, что в центре Москвы в разных кафе очень много людей, гораздо больше, чем месяц назад. Одни говорят о себе, другие о великом переходе планеты в четвертую эру Водолея и перестройке всех правил, третьи о Всемирном заговоре, четвертые про прокладки и сахар, пятые агрессивны на каждую из этих бесед. А ведь сейчас тот самый момент, в который мы, каждый из нас, рождаемся в очередной раз. Мы ведь много раз рождаемся. Снова и снова. Но сейчас — определенно. Это же очень легко почувствовать, если не мыслить ситуациями, а мыслить масштабами. Может, и правда четвертая эра Водолея или как там ее... Умные дяди рассказывали. Или квантовые физики — не помню точно.

Я вспоминаю, сколько раз я рождалась заново и в чем, собственно, всегда состоял сам факт этого рождения. В физическом смысле все просто. Двое людей делают нового человека в процессе достаточно приятном, а в лучшем смысле — в самом высшем соединении тебя и меня в одно. Но подлинное Рождение — это, конечно, последующая сумма твоих выборов. Сначала маленьких — в школе. Встал в одиночку на защиту друга, которого бьет толпа, — родился, не сдал товарища, ударившего тебя, — родился, написал в сочинении то, что думаешь ты, а не то, что от тебя ждут учитель и родители, — родился еще раз. Потом, дальше, выборы становятся труднее. Но они всегда в личном отношении конкретного тебя к конкретному событию и в конкретном твоим поступке. И чем больше поступков, тем отчетливее твои контуры и легче и спокойнее правда. Полюбил — признался — родился. Я думаю, что те люди, которые плывут по течению, пытаются угадать, где и как им выгоднее, не рождаются никогда. И трусы тоже никогда не рождаются. Они навечно прикандалены к пустому и ординарному ходу событий. И именно из таких вырастают те, кто может предать. Потому что, если не научиться с самого детства что-то очень сильно любить, рождения не произойдет. Хотя можно ли этому научиться?.. Наверное, нельзя. В каждой простой и трудной ситуации ты есть то, что ты выбираешь. Ты есть то, что ты чувствуешь. Ты суть твои идеалы. Я знаю точно, что родилась тогда, когда узнала любовь. Узнала сразу, без увертюры и пролога. Этому предшествовал ряд сложных и простых выборов, но с самого детства они интуитивно были подчинены той мне, которая сейчас. Может быть, тогда все predetermined? Кто совершает выбор? Та я, которая в точке настоящего, или та я, которая действует по своей изначальной базовой настройке? Выбор мне predetermined? А может, во мне его рождает некий сторонний наблюдатель? Сторонний наблюдатель над котом Шрёдингера доказанно диктует его жизнь или смерть. Он верит, что кот жив, — и кот остается жив. Верит, что мертв, — значит, кот умирает. Тогда, может, наши выборы зависят от некоего стороннего наблюдателя? Или от нас? От нас сегодняшних? Или от нас изначальных? Кто их рождает? Кто рождает меня?

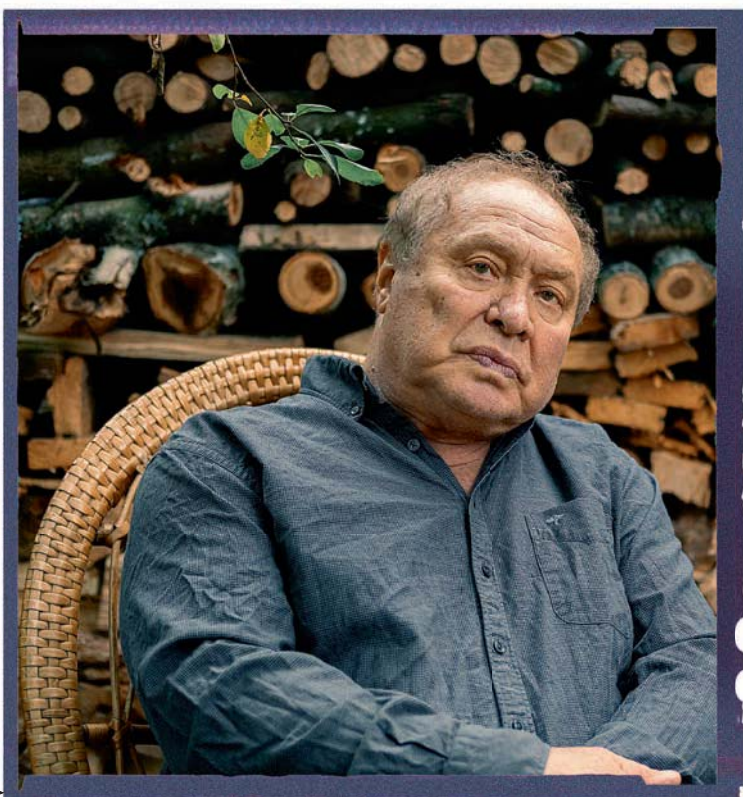
Я закрываю глаза. Я вижу белый потолок в своей спальне. Завтра я проснусь, и лето будет еще на один день ближе. И еще на один день ближе будешь ты. И это все, что мне нужно знать перед сном. *И*

Послушай! Всем еще будет!

русский

пионер

**пионерские
чтения**

Три сестрицы и три сестры

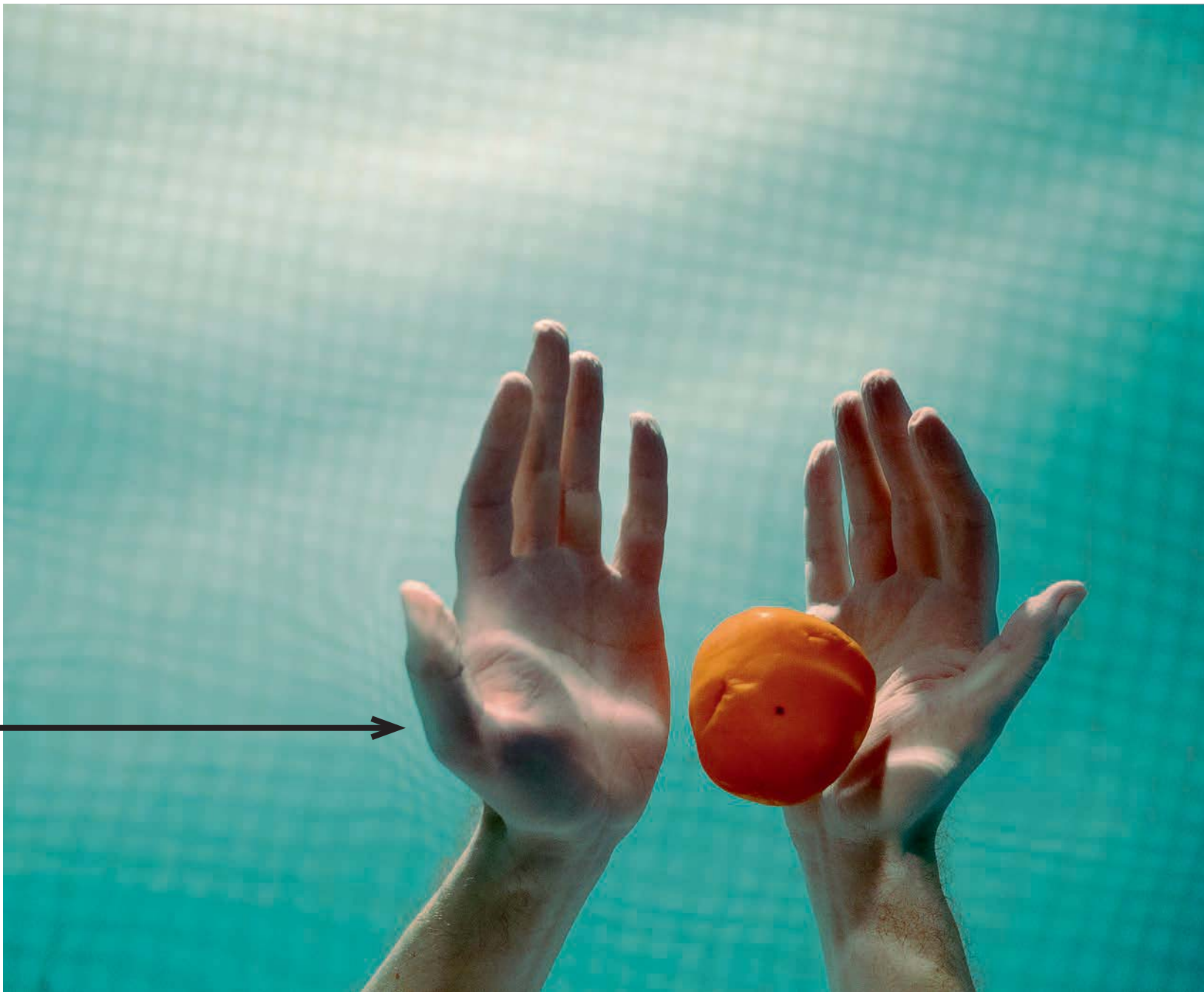
текст: иосиф райхельгауз фото: саша хазова

В новой колонке **Иосифа Райхельгауза** сначала речь идет о рождении спектакля, вообще о рождении искусства. Логично, ведь ее написал режиссер. Но потом все-таки автор переключается на разговор о рождении в прямом смысле слова — оно самое главное. Тоже можно понять: **Иосиф Леонидович** отец. И все-таки в самом финале все возвращается к театру. Круг замкнулся, что тоже неудивительно.

ТРИ девицы под окном
пряли поздно вечерком...

Когда режиссер начинает работу над пьесой, им движет тема, которая из этой пьесы извлекается. Если не извлекается — работать трудно. Лучше бросить. Это к тому, что темы, предлагаемые «Русским пионером», не все одинаково «цепляют». Иногда — совсем мимо. И только обязательность мотивирует развить некую мысль, которая сама и в голову бы не пришла. Еще интересно бывает заставить себя подумать о том, что не сильно волнует: своего рода тренинг профессионала — спектакль можно родить из чего угодно, мысль можно родить из чего угодно. И вот этот процесс появления, рождения — из ничего? из небытия? из внешнего импульса? Как это происходит? РОЖДЕНИЕ. Тема, которая волнует по-настоящему, заставляя думать, искать в литературе, в философии, в реальности. Когда увидел «задание», даже опешил от безбрежности и необъятности. Для меня это то, на чем мир стоит, на чем жизнь зиждется. Думал об этом всегда — ну, если не со дня собственного рождения, то уж с момента появления первых мыслей в голове — точно. Как родился мир? Конечно, в свое время прочитал: «В начале сотворил Бог небо и землю... И сказал Бог: да будет свет. И стал свет... И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы... И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердь, от воды, которая над твердь. И стало так... И увидел Бог, что это хорошо...» И увидел я: нет, не хорошо. Потому что неубедительно и непонятно. Не отвечает на мои вопросы. Не проясняет загадки рождения.

Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир.

Рождение спектакля, книжки, театра... Казалось бы, то, чем я с утра до ночи занимаюсь, что обязан досконально знать, структурировать, объяснять ученикам. Однако для меня все это продолжает оставаться необъяснимым. Процесс, когда в ответ на чью-то провокацию — пьесу, роман, стихи — внутри тебя появляется НЕЧТО, и ты откликаешься мыслью, образом, строчкой, сценой. Это самое НЕЧТО проклевывается и прорастает — вот что такое рождение.

Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотно.

Запускаю новый спектакль. Перед этим прочитал пьесу — поймал свою тему. Это можно сравнить с зачатием. А потом что-то происходит в самое несуразное, неподходящее время: в машине за рулем,

когда еду в ночи домой без сил, с пустой головой с единственным желанием добраться до постели. И вдруг возникает смысл, затея или закон будущего спектакля.

У меня есть подруга — самая близкая и дорогая. Ее зовут Соня, и ей 7 лет. Она растет в творческой среде: ее папа и мама (моя дочь) знаменитые художники-сценографы, крестная — известнейший художник по костюмам. Процесс появления художественного продукта для Сони, которая и сама начала рисовать раньше, чем говорить, известен в деталях, не доступных для большинства людей, тем более детей. Однако по-настоящему ее потрясло не изготовление сложнейшего макета, не создание фантастического костюма, а... вылупление птенцов из яиц, которые снесли наши дачные курочки. Яйца поместили в инкубатор, и Соня практически жила рядом с этим инкубатором, ожидая чуда. Когда проклюнулся первый цыпленок, она испытала настоящее потрясение. А потом цыплята подрастали, у них появилось оперение. И ничего круче этого в ее жизни не было. Надо признать, у меня это вызвало те же эмоции.